

Парадигма художественного перевода в процессе межкультурной коммуникации

Научный руководитель – Синило Галина Вениаминовна

Шмык Екатерина Андреевна

Аспирант

Белорусский государственный университет, Гуманитарный факультет, Минск, Беларусь

E-mail: ekaterina.shmyk@mail.ru

К. И. Чуковский в своей книге «Высокое искусство. Принципы художественного перевода» [4] писал, что от художественного перевода требуются не только образы и мысли автора, произведения которого переводят, его сюжетные схемы, но и воспроизведение литературной манеры, стиля автора (Чуковский, 2008, 57). Нельзя не согласиться с этой точкой зрения, но для себя также добавим, что не менее важным в процессе создания художественного перевода является понимание переводчиком особенностей родной культуры переводчика, а также умение грамотно ретранслировать культурные реалии в новом произведении, созданном в отличном культурном поле.

В современном мире перед многими исследователями, в том числе культурологами и лингвистами, встает задача исследования проблем межкультурной коммуникации и художественного перевода в процессе межкультурного общения, теоретического осмысления условий и возможностей максимального взаимопонимания ради снижения остроты конфликтов, достижения позитивного эффекта межкультурного общения. И именно художественный перевод занимает здесь важное место.

Немецко-белорусский диалог культур развивается на протяжении ни одного столетия. Но современности требует актуализации культурных кодов и взаимопонимания культур в исторической перспективе, именно поэтому нужно рассматривать художественные переводы, созданные в различные периоды.

При рассмотрении художественного перевода в контексте диалога культур нами была разработана схема смыслового понимания произведения, которое должно находиться в основе создания перевода. В ней можно выделить следующие основополагающие компоненты, которые в разной степени могут оказывать влияние на создание качественного художественного перевода:

- 1) Национальная культура поэта;
- 2) национальная культура переводчика;
- 3) культура исторической эпохи;
- 4) философская и культурная позиция поэта.

Понимание всех позиций этой схемы позволяет переводчику создать перевод, близкий его родной культуре, но отражающий основные идеи оригинального произведения. Таким образом, при соблюдении этих условий художественный перевод становится актом межкультурной коммуникации.

Важность понимания авторской позиции и взглядов довольно полно может быть проиллюстрирована на примере перевода В. Сёмухой «Фауста» Гёте [3]. Рассмотрение концепта «мысль» в оригинальном произведении и в белорусскоязычном переводе дает возможность понять не только отличия в языковой картине мира немцев и белорусов, но и рассмотреть специфику передачи столько важного в контексте творчества и мировоззрения авторского концепта в рамках иного культурного и семантического поля. Концепт «Sinn» у И. В. Гёте во многом антропоцентричен и иррационален, преисполнен человеческого. Что касается белорусского перевода бессмертного произведения, выполненного поэтом В. Сёмухой, то

здесь рассматриваемый концепт во многом более рационален, как и в целом в белорусском языке. Эту мысль подтверждает наибольшая частота употребления в белорусскоязычном тексте слова «розум», который также относится к семантическому полю «мысль».

Еще один пример: философский смысл стихотворения «Wanderers Nachtlied II» не единожды становился предметом глубочайшего анализа литературоведов. Очень часто исследователи сходятся на мысли о том, что в финальных строках Гёте подразумевал нечто большее, нежели обычное успокоение, отдых. Часто указывается на то, что смысл данных строк куда более глубинный: поэт говорит об особом покое, успокоении после смерти.

Белорусский перевод Н. Арсеневой [1] более близок к тексту оригинала, однако, вместе с тем практически не отражает авторской философской позиции. В то же время перевод, выполненный Л. Барщевским [2], хотя и является куда более авторским, практически полностью передает изначальные смыслы, заложенные немецким поэтом в изначальные 8 строк, написанные на стене охотничьего домика.

Баллада «Ritter Toggenburg» занимает в творчестве Шиллера достаточно скромное место. Но вместе с тем именно к ней не раз обращались поэты разных культур, чтобы познакомить своего читателя с этой историей. Высоко ценится в русской культуре перевод этой баллады, сделанный В. А. Жуковским. На белорусский язык ее перевели Ю. Гаврук и О. Лойко [5].

Достоверные факты в повествовании важны для Шиллера: он намеренно указывает, что рыцарь отплывает домой именно от берегов Яффы, а не из какого-то другого места. Точные детали придают тексту большую достоверность, уравнивают его драматичность. В переводах Гаврука и Лойко топонимика крестовых походов не имеет столь весомого значения, она не так важна для переводчика (фигурирует лишь название Палестины).

Важно отметить, что Ю. Гаврук в своем переводе вводит символ, характерный для белорусской культуры, - «зорку-мілавіцу». С ней отождествляется образ возлюбленной рыцаря. Она - символ надежды. В последних строках, когда уже читатель узнает о смерти рыцаря, звезда пропадает и появляется солнце, которое здесь символизирует избавление, конец мучений рыцаря.

Таким образом, в белорусских переводах культура исторической эпохи отходит на второй план, для переводчиков куда более важно показать саму историю, нежели контекст. При этом в ряде случаев они добавляют что-то свое, знакомое читателю. Перевод становится ретранслятором особенностей другой культуры, но с вкраплениями национальных символов, способствующих пониманию и принятию.

Источники и литература

- 1) Арсеннева, Н. Між берагамі = Between the shores: выбар паэзіі Н. Арсенневай, 1920-1970. Таронта, 1979.
- 2) Баршчэўскі, Л. І боль, і прыгажосць. Мінск, 2016.
- 3) Гётэ, Ё. В. Фаўст: трагедыя: 1 і 2 ч. Мінск, 1991.
- 4) Чуковский, К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. М., 2008.
- 5) Шылер, Ф. Балады. Мінск, 1981.